

где помимо этого примера указывается на Ep., I, 7, 83 ex nihilo fit rusticus и Carm., III, 30, 12 ex humili potens; а также: Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1971. Fasc. III. P. 629, s.v. ex 13).

26 О метафорах см.: Hofmann J., Szantyr A. Lateinische Syntax und Stilistik. München, 1965. S. 33, 779-782; B a c k e r F. Metaphern in den Sätiren des Horaz // Progr. Stralsund, 1883.

27 F r i e d l ä n d e r L. Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms. P. 248-252.

28 См. комментарий А. Пиотровского в кн.: А п у л е й. Золотой осел / Пер. М. Кузмина. Л., 1930. С. 326. Прим. к с. 86.

29 Так в кн.: Thesaurus linguae Latinae. Lipsiae, 1906. Bd. 2. Sp. 1652, 69 ss.

30 С а р р о н и F. Babulus ad Apul., Met., IV, 14 // Latomus. 1988. Vol. 47. N 1. P. 143-145.

Н.Х. Керасиди

ЭПИКЕДИЙ ГОРАЦИЯ "К ВЕРГИЛИЮ НА СМЕРТЬ
КВИНТИЛИЯ ВАРА"

(Своеобразиие утешительных мотивов)

Убеждение в том, что скорбь поддается лечению, побудило древних мудрецов искать лекарство от душевной боли. "... Тело может заболеть не по своей вине, — говорит Цицерон, — а душа — только по своей, потому что все душевные болезни и страсти происходят от пренебрежения к разуму".¹ Древними греками была создана литература утешительного жанра², которая оказала влияние на формирование утешительного жанра в римской литературе.³ Гораций был хорошо знаком с этой литературой, о чем свидетельствует его суждение о том, что Гомер более четко излагает учение о нравственности, нежели философ академической школы, основатель утешительного жанра в греческой литературе Крантор и стоик Христипп, который занимался исследованием причин аффекта

Что добродетель, порок, что полезно для нас или вредно
- Лучше об этом, ясней, чем Христипп или Крантор, он учит.
(Ер., I, 2; пер. Н. Гинцбурга).

Эпикедий, т.е. стихотворение жалобно-скорбного характера, и прозаическое утешительное послание представляют собой разновидность литературы, порожденной жизненной необходимостью. Созданные по конкретному случаю, эти произведения были обращены к определенному лицу с одной целью - утешить в горе, уменьшить страдание, вызванное смертью близкого человека. Исследования жанра эпикедия посвящены работы О. Шантца, И. Эстеве-Форриоль, Э. Холценталя, С. Пасдоцкого⁴; отечественной науке работ, рассматривающих этот жанр, пока нет. Мы попытаемся определить своеобразие метода утешения в эпикедии и в прозаическом утешительном послании. Материалом исследования являются эпикедий Горация "К Вергилию на смерть Квинтилия Вара" (Сарм., I, 24) и "Утешение к Марции" (Dial., VI) Сенеки, единственное утешительное послание (consolatio mortis) в римской литературе, которое сохранилось полностью.

Как многие литературные жанры, римляне переняли от греков и жанр эпикедия, основоположником которого в греческой литературе признан поэт VII в. до н.э. Архилох. Однако только Гораций, как и в других жанрах своего творчества,⁵ берет за образец эпикедий Архилоха, для остальных римских поэтов (Кальва, Каттулла, Овидия и др.) примером служила александрийская поэзия.⁶ Композицию эпикедия И. Эстеве-Форриоль представляет следующим образом: 1) введение, 2) похвала умершему, 3) оплакивание, 4) описание болезни, смерти, похорон и надгробия, 5) утешения.⁷ Итак, только в последней части композиции эпикедия содержатся утешительные мотивы, которые отчасти были заимствованы из прозаических утешительных посланий.⁸ Эпикедий по объему значительно уступает прозаическому утешительному посланию, так что автор может использовать весьма ограниченное число утешительных мотивов.

Архилох в элегии "На смерть Перикла" (fr. 7 Diehl.) гово-

рит о скорби граждан как о вполне правомочном отклике человеческой души на неожиданно свалившееся горе - гибель Перикла и его спутников при кораблекрушении. В качестве утешения он приводит следующие доводы: зло в жизни неизбежно, и его надо принимать как органическую часть природы, а человек должен быть готов к встрече со всеми невзгодами; беда обрушивается по воле судьбы, и нет вины человека в том, что свершается по жестокости судьбы или по законам природы; любое страдание ограничено временем, так что и скорбь должна пройти. В человеческой жизни, как и во всей природе, по убеждению Архилоха, наблюдается определенный ритм:

Познавай тот ритм, что в жизни человеческой сокрыт
(fr. 67 a).

Наличие ритма свидетельствует о том, что в жизни все переходящее, горе и радость чередуются, так что каким бы мучительным ни было страдание, оно не может быть постоянным, иначе это было бы противоестественным. Длительность или краткость страдания зависят от самого человека, ведь у него есть дар богов - стойкость души, мужество и терпение. Не справиться со своим горем, по мнению поэта, означает уподобиться слабой женщине - это недостойно мужчины:

По-женски не падайте духом,
Бодро, как можно скорей, перетерпите беду
(fr. 7).

Можно сказать, что Архилох не одобрял чрезмерную скорбь, считал, что человек по собственной воле может распоряжаться своим состоянием и поэтому, обращаясь к мужскому достоинству, призывал стойко и быстро перенести горе, а не ждать того времени, когда скорбь прекратится сама.

Гораций создал эпикедий "К Вергилию на смерть Квинтилия Вара" для утешения Вергилия в утрате человека, который был близким другом для обоих поэтов, и адресата, и автора-утешителя. Как и Архилох, Гораций в первых же строках элегии говорит, что

ему понятно состояние скорбящего друга, он считает скорбь Вергилия правомерной и выражает готовность разделить с ним это горе. Поэт просит музу дать ему вдохновение, чтобы он мог излить печаль в скорбной песне:

Можно ль меру иль стыд в чувстве знать горестном
При утрате такой? Скорбный напев в меня,
Мельпомена, вдохни ...

(ст. 1-3; пер. А. Семенова-Тян-Шанского).

Оправдывая скорбь Вергилия, Гораций говорит, что тот в своем горе не одинок, с ним рядом глубоко сочувствующий ему друг. Этот прием, который можно определить как сопереживание, отсутствует в дошедших до нас римских прозаических утешительных сочинениях по случаю смерти (*consolatio mortis*). Автор утешительного послания не только не сопереживает, а наоборот, осуждает скорбящего за то, что он позволил боли так долго властвовать над собой. В скорби должна быть мера. Человек должен бороться со скорбью, как и с любой другой болезнью, и в этой борьбе берется ему помочь автор утешительного послания. "Знай же, я не собираюсь к тебе приспособливаться и не думаю обманывать твое душевное состояние. ... Пусть другие действуют мягко и ласково, я же решил бороться с твоей скорбью..." (*Sen., Consolatio ad Martiam, I, 5*). Так пишет Сенека в послании к Марции, утешая эту матрону в ее горе по поводу смерти сына.

Общим для эпикадия и утешительного послания является прием *laudatio*, т.е. восхваление добродетелей умершего. *Laudatio* восходит к древнему обычаю, когда родственник или друг произносил надгробную речь в похвалу умершему (*laudatio funebris*).⁹ У Горация мы читаем:

Найдут ли ему в доблестях равного
Правосудья сестра - Честь неподкупная,
Совесть, Правда открытая?

(ст. 6-8).

Обращаясь к Марции, Сенека говорит: "... боги дали тебе сына, хотя и не надолго, но сразу же такого, какого можно воспитать только в течение долгого времени" (*Sen. Consolatio ad Martiam, XII, 4*). В обоих литературных жанрах этот прием используется для того, чтобы подчеркнуть, сколь высока цена потери. Но если автор эпикадия таким образом хочет еще раз показать свое понимание и оправдание скорби, то автор утешительного послания обращается к этому приему еще и как к немаловажному своим добродетелям будет благосклонно принята в сонм лучших. Так что нельзя оправдать поведение скорбящего, ибо он оплакивает того, кто находится в лучшем положении, а это противоречит разуму (Там же. XXV, 1).

После похвалы умершему Гораций, как и Архилох, переходит к *lamentatio* - оплакиванию. Он вместе с Вергилием и многими другими скорбит о смерти Квинтилия Вара. Гораций знает, как тяжело Вергилию переживать свое сиротство, ведь такую неопценную потерю ничто не сможет заменить:

Многим добрым сердцам смерть его горестна,
Но, Вергилий, тебе всех она горестней.

(ст. 9-10).

Желая хоть чем-нибудь облегчить состояние Вергилия, Гораций обращается к доводам разума, он прибегает к традиционным утешениям - неизменна воля богов, богам подвластны все:

У богов ты, увн, с верой не вымолишь
Друга, что ты доверил им!

(ст. 11-12).

Никакие заслуги, даже великий талант, не в состоянии изменить волю богов. Мольбы и слезы напрасны, закон смерти суров - умершего не вернуть:

И хотя бы умел лучше Орфея ты
Сладкозвучной струной лес привораживать,
Оживишь ли черты лика бескровного,

111

Раз Меркурий, не знающий
Снисхожденья к мольбам, страшным жезлом своим
Уж коснулся его, чтоб приобщить к теням?

(ст. 13-18).

Гораций, как и Архилох, призывает Вергилия понять, что его слезы бессильны изменить раз и навсегда установленный богами порядок, но в отличие от Архилоха он просит своего адресата смириться и покорностью хоть как-то смягчить свое страдание:

Тяжко! Но перенести легче с покорностью
То, что нам изменить нельзя (ст. 19-20).

Мы видим, что Гораций, беря за образец элегию Архилоха, в заключительной части отступает от своего учителя. Архилох учит мудро относиться к жизни, не предъявлять ей заранее неосуществимых требований: да, зло в мире неизбежно, но оно во времени ограничено самой природой, и человеку, переносящему горе, необходимо знать меру скорби. Гораций не выражает уверенности в том, что горе Вергилия со временем пройдет. Он пытается своими утешениями лишь смягчить боль друга. В прозаических утешительных посланиях автор с пониманием относится только к умеренной скорби: "Тоска по близким естественна. — Кто же это отрицает, пока она умеренна; ибо не только потеря, но и отъезд близких причиняет боль родному человеку и гнетет душу самых мужественных людей" (Sen. Consolatio ad Martiam, III,1). Сенека также выражает готовность разделить горе Марции. Однако эта готовность явно мнимая, так как он понимает, что его слезы, как и слезы самой Марции, абсолютно напрасны. Объясняя Марции, что ее слезы ничего не могут изменить в случившемся, Сенека требует прекратить затянувшуюся скорбь: "Если судьбу можно победить слезами, мы готовы к тебе присоединиться: пусть в стенаниях проходит целый день, пусть и бессонная ночь проходит в тоске... но если никакими рыданиями не вернуть умершего, если никакими жалобами не изменить непреклонной и навек твердо стоящей судьбы и смерть отказывается вернуть того, кого она унесла, прек-

рати скорбь, которая бесполезна" (там же, VI, 2).

Жалея Вергилия, Гораций с глубоким прискорбием говорит о слабости человека, его беззащитности перед суровостью божественного закона. При таком положении, по мнению Горация, человеку остается только одно — смирение. О суровом законе природы, законе смерти, говорит и Сенека: "Ты родилась смертной, и ты родила смертных... Твой сын умер, это значит, что он достиг того конца, к которому спешат все те, кого ты считаешь более счастливыми, чем твой сын" (там же, XI,1-2). Рассуждает Сенека и о человеческой беспомощности: "Что такое человек? Это немощное и хилое существо, слабое, по природе своей беззащитное, нуждающееся в чужой помощи, всегда подверженное ударам судьбы" (там же, XI,3). Как и Гораций, Сенека подчеркивает, что от неизбежного человек не защищен ни талантом, ни добродетелями: «Также скажи, Марция, следующее: "Мне представлялось, что если бы каждому предназначалась судьба согласно его характеру, то никогда несчастья не преследовали бы добрых людей: теперь я вижу, что несчастья одинаково разбрасываются среди честных и бесчестных, без всякого различия"» (там же, XVI,3). Но все эти рассуждения Сенека приводит Марции вовсе не для того, чтобы сочувствовать ей, как существу слабому и беззащитному, он бросает ей упрек: ведь она знала, что человек смертен, она знала, что только на этом условии она может рожать детей, и если она приняла это условие, то теперь у нее нет основания роптать на свою судьбу. Сенека укоряет Марцию в том, что она заранее не подготовила себя к встрече с судьбой и причинила себе дополнительную боль тем, что удар оказался неожиданным: "Тот, кто заранее подготовил себя к будущему, тот лишает зло силы до того, когда оно свершится" (там же, XI,5).

Гораций ни в коем случае не считает поведение скорбящего Вергилия недостойным — скорбеть не стыдно. По мнению Сенеки, можно оправдать только скорбь умеренную и недолгую, в противном случае поведение скорбящего определяется им как недостойное и даже позорное: "Поэтому мы должны совладать с собой, и никакая сила не должна тинуть нас за собой как попало. Позор кормчему, у которого волна вырвала руль, который оставил колымакшийся парус и который вверил судно буре" (там же, VI,3).

Если Гораций призывает Вергилия к покорному терпению, то Сенека побуждает Марцию так овладеть своей душой, так мобилизовать все силы, чтобы не дать скорби властвовать над собой. Надо самому положить горю конец, самому спасти себя от страданий, а не ждать терпеливо, когда время излечит боль: "Насколько красоте твоего характера подходит скорее положить конец скорби, чем терпеть и не дожидаться того дня, когда боль прекратится против твоей воли! Откажись от нее сама" (там же, УШ, 3).

В заключение можно сказать, что автор эпикедия приступает к врачеванию с сердцем, полным сочувствия и искренним и глубоким пониманием состояния своего адресата. Автор прозаического утешительного послания с трезвым умом и твердым сердцем заявляет своему адресату, что он намерен бороться с его скорбью, как врач с хронической болезнью, последовательно и упорно: "Итак, — говорит Сенека, — я хотел бы с самого начала приступить к твоему лечению; если бы начать раньше, то можно было бы более легкими средствами ограничить силу боли; с большим усилием приходится бороться против застарелой раны... Теперь я не могу уступчиво и снисходительно обращаться со столь упорной скорбью; ее надо сломить" (там же, I, 8).

Метод Горация, на наш взгляд, заключается в том, что он, говоря о своем сочувствии, старается показать скорбящему Вергилию, что горе его понято, принято и оправдано. Вергилий в своем горе не одинок; с ним рядом участливый друг, готовый разделить с ним его страдания. Осторожно объясняя неизбежность и необратимость случившегося, Гораций просит своего адресата покорно переносить горе, ибо покорность, по его мнению, умеряет боль. Сенека тоже по долгу старается помочь своему скорбящему адресату, но метод его, можно сказать, рациональный: через размышления человек должен прийти к выводу, что скорбь его бессмысленна, напрасна, недостойна, ибо образованные люди не могут не размышлять над законами бытия, законами божественными и человеческими, а размышляя, не могут не понять, что все, порожденное природой, получает жизнь только при одном условии, что она конечна: "Если ты, зная эти условия, все же решила иметь детей, то не обвиняй во всех бедах богов, которые от тебя ничего не скрывали" (там же, ХУП, 7).

Гораций, утешая Вергилия, дает ему понять, что в случившемся нет несправедливости, ибо божественные законы несправедливыми быть не могут. Сенека также пытается убедить Марцию в том, что ничего несправедливого не произошло. Если она страдает сверх меры, то в этом ее собственная вина. Как учат стоики, человек должен познать законы природы и строить свою жизнь в согласии с ними и тогда сможет избавиться себя от дополнительных страданий. По мнению Сенеки, в любом горе человек должен найти в себе силы для сопротивления страданию и силой воли вернуть себя к нормальному образу жизни. Поэтому автор прозаического утешительного послания старается путем убеждения повлиять прежде всего на волю скорбящего, дать ему достойный образец для подражания.

Если совет Горация — терпеть, т.е. смиренно ждать, когда время ослабит боль, то Сенека считает, что с болью надо бороться и, умеренной скорбью отдав должное памяти умершего, вести себя так, чтобы у окружающих вызвать к себе уважение, а не жалость.

Примечания

¹ Cic., Tusc., IV, XIV-XV, 31 / Пер. М.Л. Гапарова.

² Кн и п е р К. De Crantoris fragmentis moralibus // Mnemosyne. 1901. № 29; I o h a n n H.-T. Trauer und Trost. München, 1968.

³ В у р е с с h C. Consolationum a Graecis Romanisque scriptarum historia critica: Diss. Lipsiae, 1886; К а с с е l R. Untersuchungen zur griechischen und römischen Konsolationsliteratur // Zetemata. München, 1958. Heft 18.

⁴ См.: S c h a n t z O. De Incerti poetae consolatione ad Liviam deque carminum consolationum apud Graecos et Romanos historia: Diss. Marburgi, 1889. S. 23; E s t e v e - F o r r i o l I. Die Trauer und Trostgedichte in der römischen Literatur, untersucht nach ihrer Topik und ihren Motivschatz: Diss. München, 1962. S. 112; H o l z e n t h a l E. Das Krankheitsmotiv in der römischen Elegie: Diss. Köln, 1968; Z a b l o c k i S. Antyczne epicedium i elegia zalobna. Wrocław, 1965.

⁵ См.: S h a c k l e t o n B a i l e y D.R. Profile of Horace: Classical Life and Letters. Duckworth, 1982. P. 2.

⁶ См. Esteve-Forriol I. Die Trauer- und Trostgedichte in der römischen Literatur... S. 112-114; Holzhenthals E. Das Krankheitsmotiv in der römischen Elegie. S. 113-127.

⁷ Esteve-Forriol I. Die Trauer- und Trostgedichte in der römischen Literatur... S. 120-153.

⁸ Ibid. S. 124; Zablocki S. Antyczne epicedium i elegia zalobna. F. 229.

⁹ Graff H. De Romanorum laudationibus commentatio. Dorpati, 1862.

Л. С. Мокрородова

DISTAE PER CARMINA SORTES

(Гораций о взаимосвязи нравственного
и художественного в поэзии)

Правомерность приложения нравственного критерия к поэзии, равно как и сама трактовка этической ценности поэтического слова, постепенно утверждали себя в античной эстетической мысли.¹ Такой проблемы не существовало для поэтов архаики, когда в поэзии только намечались отличия от культа и обряда. Однако именно поэзия с ее умением восполнять вымыслом правду служит в новую эпоху софистам фундаментом теории "ложного слова" и его убеждающего воздействия. Моральный релятивизм как следствие этой стороны учения софистов с их умением "слабейший довод сделать сильнейшим" (Arist. Rhet., I, 402 A 24) встретил сопротивление прежде всего со стороны Платоновой всецело моралистической концепции искусства. Подобное же неприятие всего нравственно ущербного в поэтическом вымысле будет подхвачено и развито уже в эллинистических школах — прежде всего в Стое.² Однако, как показали сравнительно недавние исследования, некое новое слово в ответе на вопрос "что дает поэзия людям?" — прозвучало в эпикурейской школе из уст ее позднего адепта Филодема (I в. до н.э.):³ соглашаясь со стоиками в возможности прямой моральной и прочей

© Л. С. Мокрородова, 1992